

РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ «РУСИФИКАЦИИ» МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕМАТИКИ В САТИРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ЧУДАКОВА

Рассмотрим их применение в фельетоне «Накипь дня (Сахалян. По старой моде...)», опубликованном 22 февраля 1912 г. в газете «Эхо». Отличительная особенность произведения – трёхчастная композиционная структура: во второй, кульминационной, рисуется охваченный бунтом Пекин, в первой – отмечающий «праздник фонарей» китайский город Сахалян, а в третьей – административная столица Амурской области. И каждая из частей завершается аллюзией, адресующей читателя – посредством имеющего национальный колорит речевого оборота, а также через намёк на то или иное классическое произведение русской литературы – всё к тому же российскому социальному контексту.

Из-за ограниченности объёма остановимся лишь на одной – центральной, «пекинской» части. В композиционном отношении она тоже, как и произведение в целом, представляет трёхчленную структуру. Первый выделенный фрагмент – начальное четверостишие, которое по форме и содержанию выглядит как стихотворное переложение газетной заметки из рубрики «Международная хроника». Открывается четверостишие, как это и принято в обычной хронике, обозначением места, в котором происходят важные события. Стилевые приметы подобной «хроники» – предельный лаконизм, повышенная информативная насыщенность, фактографичность, отсутствие второстепенных подробностей и оценочных суждений, безэмоциональность тона и стиля. Автор в первых четырёх строчках старается придерживаться этих правил: «Пекин. Грохот недовольства. / Пушки... Кровь... Кромешный ад... / Президент скорей в посольства / Шлёт за ротою солдат». Единственный стилевой сбой здесь – экспрессивный фразеологизм «кромешный ад» в конце второй строки. В остальном автор выдерживает стиль «хроники». А о том, насколько достоверно он отражает пекинские события, позволяет судить настоящая газетная хроника. Судя по ней, в фельетоне весьма точно воссоздаются подлинные факты. О них, например, сообщают печатавшиеся в «Эхе» в те же дни заметки в подрубрике «Китайская революция»: «ПЕКИН. 16 февраля, в 8 ч. вечера, взбунтовались два полка третьей дивизии войск Юань Шикая. Причина – сокращение жалования. Разбившись на мелкие группы, мятежники начали грабить и поджигать лавки... Город охвачен паникой. Всюду выстрелы и крики... Ограблены все банки, ломбарды и крупные магазины... Иностранные охранные отряды... поставили посты на всех улицах, ведущих в иностранный квартал...»; «ПЕКИН. ...Вся торговая часть разгромлена и сожжена, в том числе монетный двор, государственный банк, управление дорог. В грабежах, кроме местных войск, деятельное участие принимала полиция. Вице-король укрылся в иностранную концессию... Прибыли в Пекин 250 американских и 200 французских и ожидается ещё 400 иностранных солдат». Сопоставление газетной хроники и вступления 2-й части фельетона убеждает: ситуация в столице Китая воссоздана Чудаковым достоверно.

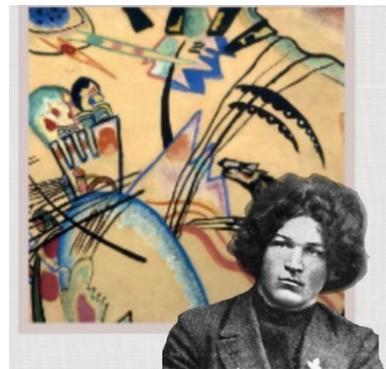
Два оставшихся четверостишия второй части представляют собой письмо Юань Шикая, обращённое к послам иностранных держав. Это закавыченное письмо президента Китайской Республики, в отличие от «хронической» части, является плодом авторского воображения. Чудаков явно неставил задачи создать хотя бы в формальном отношении правдоподобную версию послания Юань Шикая, не хотел, чтобы читатели поверили в его подлинность, а потому отказывается от имитации стиля официальных дипломатических посланий, в которых живое чувство немыслимо, ибо придавлено протокольными речевыми оборотами.

Сатирик делает всё возможное, чтобы читатели увидели не «государственного деятеля», а обычного, живого человека, испуганного, не знающего, что ему делать дальше. Автор «очеловечивает», «опрощает» и «русифицирует» Юань Шикая, делая его понятным обычно русскому читателю. Для этого в «письме», помимо реплик высокого эмоционального напряжения, вставлены характерные для русского языка речевые формы: «опасаюсь заушенья» (книжн., устар.) – в буквальном значении удара по уху, по щеке; в переносном – грубых угроз, оскорблений; «багровых фонарей» (разг., ирон. – в переносном значении) – то есть синяков на лице как последствий удара кулаком; «гнёт в дугу... нужда» (разг., экспресс.): «Ожидаю покушенья! / Выручайте поскорей! / Опасаюсь заушенья / И багровых фонарей. / Ропот войска чрезвычаен, – / Гнёт в дугу его нужда... / И дрожу я, точно Каин, / Чёрт занёс меня сюда!»

Последние две строки образуют завершающую часть трёхчленной структуры. Формально это продолжение «письма» Юань Шикая, субъект повествования (речи) здесь тот же, но субъект сознания подменён – это уже не китайский лидер, а русский фельетонист, играющий его роль, «думающий» и «чувствующий» за него. Автор фельетона берёт на себя смелость реконструировать самоощущение человека, волею обстоятельств оказавшегося на вершине власти в стране, переживающей глобальные потрясения. Эта реконструкция строится на предположении: вынесенный на вершину власти генерал сам не рад этому обстоятельству, выражая своё самочувствие чисто по-русски – чертыканьем, с помощью имеющегося ярко выраженную национальную специфику устойчивого речевого оборота: «Чёрт занёс меня сюда!».

Таким образом, используемые автором речевые формы с национальной спецификой настойчиво возвращают читателя к российской действительности, в данном конкретном случае намекая на возможность социального взрыва и в Российском империи.

В произведениях, посвящённых Синьхайской революции, Чудаков использует обращение к китайским событиям как повод высказаться и о российской действительности, соотнести одно с другим, выразив тем самым критическое отношение к формам государственного устройства самодержавной России, к царящей здесь полицейщине, к бюрократическому и судебному произволу. Основные средства, с помощью которых он даёт понять читателю, что главной мишенью сатиры является не столько Китай, сколько существующий в России социально-политический строй, – аллюзия, ирония, параллелизм, сравнение. К числу важнейших способов «русификации» международной тематики относятся и речевые формы.

Лю Ин, аспирант 3 года
обучения, историко-
филологический
факультет

Научный руководитель:
Урманов А.В.,
д-р филол. наук,
профессор, зав. кафедрой
русского языка и
литературы